

Александр Миглер

МАРК МИГЛЕР

ПОВЕСТЬ О ФЕХТОВАЛЬЩИКЕ

Александр Петрович Мидлер
Марк Мидлер. Повесть
о фехтовальщике
Серия «Атланты»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22841880

Марк Мидлер. Повесть о фехтовальщике: Человек; Москва; 2016

ISBN 978-5-906131-75-1

Аннотация

Документальная повесть о жизни знаменитого рапириста Марка Мидлера, участника первой для советских спортсменов Олимпиады 1952 года, двукратного олимпийского чемпиона и шестикратного чемпиона мира в командных соревнованиях, четырехкратного победителя Кубка Европы, шестикратного чемпиона страны и бессменного на протяжении многих лет капитана национальной сборной, которого по праву называли «легендой XX века».

Содержание

Глава первая. Становление личности	8
Глава вторая. Корни	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Мидлер

Марк Мидлер. Повесть о фехтовальщике

© Мидлер А. П., 2016

© Издательство «Человек», издание, оформление, 2016

* * *

*Я не пассажир в лодке жизни. Я – гребец.
Марк Мидлер*

Март 2012 года

Прилепить крест «скорой помощи» на свой автомобиль профессор Штодинг опасался, но именно это он и сделал – поместил красный крест на заднее стекло.

Так получалось уменьшить зависимость от пробок. Во всяком случае, те водители, которые не помнили, как выглядит правильно «снаряженная» машина «скорой помощи», заметив красный крест, рефлекторно сторонились его. Иногда доктор даже рисковал ехать по «встречке».

За свою жизнь Штодинг дважды опаздывал к больным. Приезжал, когда помочь уже было невозможно.

На перекрестке улиц Дмитрия Ульянова и Крупской он тщательно огляделся и поехал на желтый свет.

Дверь открыли сразу. Штодинг прошел по коридору, узкому из-за висящих на стенах фехтовальных масок, боевых перчаток, сабель, рапир и шпаг.

Дверь в комнату Марка была открыта: Марк лежал закрытый одеялом до самых губ и с безразличным недоумением глядел прямо перед собой на множество кубков, стоящих перед ним на этажерках.

По давнему своему опыту лечения инсульта Штодинг хорошо знал, что может значить подобное выражение лица больного. Взгляд Марка безучастно вопрошал: «Что это? Зачем это?» Рядом с кубками на прямых булавках висели наградные ленты с медалями. Золотые – за победы на шести чемпионатах мира по рапире, две большие золотые медали – за высшие результаты на Олимпийских играх, шесть золотых медалей чемпиона страны, медали и кубки чемпиона Европы и престижных международных турниров по рапире.

– Ну, что же вас беспокоит? – начал Штодинг, протирая влажной салфеткой руки.

– Ч-т-о б-е-с-п-о-к-о-ит? – по буквам почти неслышно прошептал Марк и попытался улыбнуться перекошенным лицом. – Международное положение нашей страны.

И упал в кому...

Это повесть о скончавшемся 31 мая 2012 года знаменитом фехтовальщике XX столетия.

Мне недостаточно известны подробности того, как Мид-

лер дрался в Хельсинки и в Мельбурне, в Токио и в Риме, в Париже и в Будапеште, где только он не фехтовал. На большинстве его поединков я не присутствовал, в сборную команду страны не входил. Я всего лишь мастер спорта по рапире и младший брат Марка Мидлера. (Он старше меня на восемь лет). Предложить издательству попытку понимания этого необыкновенного рапириста, незаурядного человека и его времени было поступком естественным, так как я – кандидат философских наук и профессиональный журналист. Было интересно рассмотреть за фехтовальной маской легенду XX века, как называли Марка.

Двукратный олимпийский чемпион, шестикратный чемпион мира, четырехкратный победитель Кубка Европы, шестикратный чемпион Советского Союза.

Вплоть до начала 1960-х годов в рапире, шпаге и сабле победы в международных турнирах самого высокого уровня чаще других одерживали французы, итальянцы, поляки и венгры. Но с 1959 по 1966 год рапиристы во главе с Мидлером не уступили никому командного первенства на чемпионатах мира. Пятнадцать лет бессленно он был капитаном команды советских и российских рапиристов, которая восемь лет подряд считалась сильнейшей на планете. В двадцатом веке Марк Мидлер был признанным лидером лучших рапиристов мира.

В книгу вошли мои детские и юношеские воспоминания о нем, заметки его друзей, учителей, учеников. Наблюдения

глазами тех, кто любил Марка и восхищался им. И тех, кто терпеть его не мог.

Глава первая.

Становление личности

К началу войны Марку было десять, ко Дню Победы – четырнадцать лет.

Мать дежурила на крыше – тушила фугаски, была контужена взрывной волной от упавшей невдалеке бомбы. Отец воевал под Москвой.

Семья в эти годы не уезжала из города. Жизнь шла под уханье бомбежек.

До сих пор помню бомбоубежище.

Люди стояли вплотную друг к другу, многие держали на руках детей.

Единственная в огромном помещении лампа висела над входом. У нее было фиолетовое стекло, и от фиолетового света толпа казалась призраком со многими головами.

Крепко сжимаю руку старшего брата. Он смотрит на меня. Долго смотрит. Улыбается. Под его взглядом мой страх постепенно тает.

Послевоенные годы Марк описал несколькими страницами, которые я увидел, перелистывая старые семейные документы. На первой странице было название – «Расширенная автобиография».

Брат писал: «В семикомнатной коммунальной квартире

наша семья занимала две комнаты. В одной жили бабушка, дедушка и тетя Манюля, в другой – мать, отец, я и младший брат. Пацанами мы катались в коридоре на велосипеде. Коммуналка получилась, очевидно, в советские годы в старинном доме, который в прошлом был частным. Судя по сейфу, вделанному в стену, в нашей комнате был кабинет хозяина. Двор – колодец. Напротив – без окон глухой торец кирпичной стены соседнего дома.

Белая лестница вела на Рождественский бульвар, где ходил трамвай «Аннушка». На бульваре играли в салочки во круг деревьев и по газонам, а во дворе гоняли в футбол. У нас был тряпичный мяч, в лучшем случае – старый, разбитый, шнурованный мяч из кожзаменителя, спускавший воздух. Правила были известные: без аутов, все стенки играют, три корнера – пенальти.

Разбитые стекла в нижних этажах дома, крики соседей, вечно рваные ботинки.

Тренировка, однако, каждый день: школа № 234 была внизу под дугой Рождественского бульвара, мы гнали пустую консервную банку до низу, перепасовывая ее друг другу. Отрабатывали пас – до входа в школу.

Несколькими годами раньше мой отец играл в основном составе московского «Динамо», и, естественно, я мечтал быть футболистом. Я не раз себе представлял, как выйду на поле под рев переполненных трибун.

Но со временем мои спортивные интересы расширились.

Появился хоккей, шахматы, баскетбол (я даже был чемпионом Москвы в составе команды Дзержинского района), а в итоге, в 1943 году, остановил по случаю выбор на фехтовании.

Рядом со школой, вблизи цирка на Цветном бульваре, был игровой зал. Там тренировалась сборная команда «Динамо» по баскетболу.

В этот зал в 1943 году была направлена работать Раиса Ивановна Чернышева, чемпионка СССР по рапире. В разгар Второй мировой войны Раиса Ивановна начала преподавать фехтование.

Ребята любопытные хлынули в зал посмотреть: что это такое?

Как я увидел несколько позже, понятие о том, что такое фехтование, было следующее: идешь по улице с фехтовальным мешком – ты для прохожих рыбак и несешь удочку. Держишь под рукой маску – ты пчеловод.

...Ко мне подошел на переменке Лева Кузнецов (он стал позже членом сборной страны по сабле, серебряным призером мира и бронзовым призером Олимпийских игр) и говорит: «Марк, зайди, посмотри. Мне понравилось – я там был. Там булочку дают после тренировки».

По воспоминаниям Марка я написал заметку о том, что произошло с ним в тот день.

В раздевалке пахло потом. В углу шнуровал кроссовки удивительно похожий на лошадь прыгун в длину. (В полуот-

крытую дверь Марк и Лева увидели в конце вытянутого прямоугольного зала сектор для прыжков).

Скинув куртки и ботинки, пацаны направились в зал в носках, стараясь не замечать укоризненного взгляда тренера. В зале толкались разнокалиберно одетые подростки, бродящие от стенки к стенке и жадно глядящие на рапиру в руке тренера. Раиса Ивановна Чернышева – чемпионка СССР по фехтованию – невысокая, худенькая, голубоглазая, в левой свободной руке держала на весу боевую перчатку.

– Внимание, кто хочет драться на шпаге?

Поднялся лес рук.

– Отойдите в тот угол, к брусьям. А кто хочет драться на сабле?

Поднялось семь рук.

– Вот туда – к кольцам! Кто хочет драться на рапире?

Марк вскинул руку. Лева, искоса взглянув на Марка, не торопясь, поднял ладонь.

– А теперь всем в линию – быстро! – неожиданно громко и твердо сказала голубоглазая. – В руке у меня рапира. Двое, кто выбрал этот вид оружия, бегом ко мне! Мухой!!

Марк и Лева сорвались с места и – замерли по обе стороны Чернышевой.

– Эти двое хотят фехтовать на рапирах. Если они такие бойцы, пусть попробуют!

Ропот множества пацанов, раздосадованных тем, что их лишили драки, Раиса Ивановна проигнорировала.

Отойдя к каморке в конце зала, противоположном прыжковому сектору, она вынесла вторую рапиру, две старые железные маски и пару защитных стеганых нагрудников большого размера, закрывающих подростка средних размеров от шеи до паха. Под ее руководством Лева и Марк, обрядившись, растерянно стояли друг перед другом.

– Саблисты и шпажисты смотрят. Сегодня будет общая основа фехтования – рапира. Судейство боев по международным правилам идет на французском. Я вам все переведу... Ан гард! К бою! Эт ву прэ? Готовы? Подтвердите готовность!

– Как подтвердить? – еле слышно спросил Марк.

– Если готовы, кивните и скажите «прэ»... После этого судья разрешает начать поединок... – голос Раисы Ивановны усилился, и она произнесла: – Алле!

Лева на всякий случай обернулся, не зовет ли кого Раиса Ивановна.

– Я сказала «алле» – начинайте!

И ребята начали махать и тыкать, тыкать и махать под крики окружающих. Наконец Марк неуклюже, но сильно ударил по клинку противника, и рапира у Левы упала.

– Альт! Стоп! – властно скомандовала Чернышева.

Противники сняли маски. У Левы сконфуженный вид, у Марка – победный.

– Нравится? – ласково спросила Раиса Ивановна.

Лева отвернулся; Марк выразительно кивнул.

– Ну, так «это», – нежно сказала Чернышева, – вообще

никакого отношения к фехтованию не имеет!

Раиса Ивановна медленно и аккуратно натянула боевую перчатку, которую до поры держала в руке.

– Ан гард! – властно приказала себе Чернышева, повернулась вполоборота, чуть согнула ноги в коленях и заняла фехтовальную стойку: – Ша-а-а-а-г вперед! – скомандовала Раиса Ивановна и сделала шагок правой ногой, мгновенно поставив левую на такое же расстояние, но под прямым углом к правой. – Кто мне скажет, почему фехтовальщик именно так ходит во время боя?

Марк поднял руку:

– Чтобы все время чувствовать устойчивость, чтобы пока одна нога задрана, противник меня не сбил...

– Ты кто такой – «задрана» – догадливый? – удивилась Чернышева и молниеносно ослепительно улыбнулась. – Фамилия?

– Мидлер, – сказал Марк, безразличным голосом скрывая восторг.

– Альт! – Раиса Ивановна вернулась из стойки и, подняв лежащую на полу рапиру, буднично спросила притихших подростков, которые заполнили теперь зал почти наполовину. – Чему я вас буду учить? Мидлер, молчи! Больно умный! – неожиданно грозно обернулась и остановила она Марка. – Во-первых, вам надо будет научиться занимать в пространстве такое положение, при котором вам удобней всего атаковать противника, а ему – как раз наоборот, слож-

ней всего нанести вам укол. Ради справедливости признаюсь, что за четыреста лет до нас эту суть фехтования определил Жан-Батист Поклен – Мольер, по-моему, величайший драматург Франции и параллельно известный специалист по психологии дуэлей. «Фехтование – это искусство наносить удары, не получая их». Это кто сказал?

– Вы! – пискнул Марк.

– Сейчас выгону! – подавив улыбку, «рассердилась» Раиса Ивановна. – Мольер... Теперь – как атаковать. Уймись, не тяни ты руку, откуда ты взялся, Мидлер? Родился фехтовальщиком?! Существует девять видов атак, – Чернышева придала голосу демонстративную занудность, имитируя скучного лектора, что получалось у нее забавно. – Атака на подготовку, атака ответная, атака повторная, атака обоюдная, атака простая, атака с действием на оружие, атака с финтами, атака комбинированная, атака с задержкой. Широко известны шесть основных типов боя. – Чернышева погрозила маленьким своим кулачком открывшему было рот Марку. – Бой ближний, бой наступательный, бой оборонительный, бой маневренный, бой скоротечный, бой выжидательный... Ну, что завяли? А как насчет девяти разных защит, семи главных действий? А контратака. А контрзащита. А контрответ. А контртемп... Я вас еще не так запугаю! – Чернышева звонко рассмеялась: – А теперь быстро – чай, пирожки и – по домам! Следующая тренировка послезавтра.

Перелистываю страницы «Автобиографии». Марк пишет: «Честно говоря, сколько себя помню, я хотел что-нибудь и кого-нибудь полюбить. Как-то не удавалось. В фехтовальном зале – удалось! Я начал быстро выигрывать у сверстников.

Раиса Ивановна обратила на меня внимание, дала рапиру, костюм и маску, потому что получить или купить все это в те годы было невозможно. И я начал тренироваться и выступать на двух видах оружия: на рапире и на сабле».

Прерву цитату из «Автобиографии». Марк мне как-то сказал: «Чтобы почувствовать фехтование как спорт, надо прозаниматься им самое меньшее два месяца. Главное – преодолеть первые недели, когда тебя учат ходить в фехтовальной стойке: «шаг вперед, шаг назад». Вместо того чтобы сразу красиво поражать красивого противника или противницу красивой шпагой, саблей или рапирой, ты должен поставить на расстоянии шага правую ногу перпендикулярно левой и в такой позиции мерить шажками зал и наносить без оружия воображаемые уколы. Потом ты должен делать шаги и выпады – в воздух, без противника, но теперь с рапирой в руке. И никаких тебе поединков – ходи в фехтовальной стойке до умопомрачения. Коли в воздух. Потом коли в мишень. И так из занятия в занятие.

Вот когда ты заслужишь право надеть плотный и тесный

защитный костюм и маску, фехтовальный труд становится не скучным. Впрочем, мне он стал интересен сразу и навсегда».

* * *

С того дня миновало полтора месяца, всего семь тренировок – и, как вспоминала впоследствии Раиса Ивановна, Марк Мидлер изумил ее. По ее словам, «у Марка стала получаться такая фехтовальная стойка, какой позавидовал бы взрослый мастер». Раиса Ивановна Чернышева пригласила на занятие своего мужа – Виталия Андреевича Аркадьева, заслуженного тренера СССР, среди учеников которого было впоследствии больше чемпионов мира по фехтованию, чем у кого бы то ни было в Советском Союзе.

В зале было тесно: четыре пары подростков двенадцати-тринадцати лет друг напротив друга двигались со скучными лицами, отрабатывая фехтовальные шаги. Еще пятеро работали на мишенях.

– Виталий, – сказала Раиса Ивановна, – обрати внимание на этого мальчика. Ничего тебе не скажу, кроме того, что у него сегодня всего восьмая тренировка.

Виталий Андреевич сел на лавочку и с минуту наблюдал, как Марк шагом вперед с выпадом атакует мишень.

– Простите, молодой человек, можно вас, – церемонно сказал Аркадьев, – я много времени не займу.

Марк был готов к оклику, потому что, как только Раиса

Ивановна вошла в зал в сопровождении незнакомого мужчины, Марк, продолжая без остановок делать шаг-выпад-укол в мишень, возврат в боевую стойку, три шага назад и снова шаг-выпад-укол, краем глаза наблюдал за этими двумя. В какой-то момент между выпадом и попаданием в мишень он поймал себя на том, что испытывает нечто, похожее на ревность...

Незнакомец держался необыкновенно прямо, как держатся военные и аристократы.

– Дворянская косточка, – шепнул сам себе Марк.

– Милостивый... э-э-э... государь, позвольте к вам обратиться... Как вы держите... э-э-э... флеретт?

Марк молча предъявил правую руку со сжатой в ладони рапирой.

– Не забудьте, пожалуйста, молодой человек, что рапиру, как... э-э-э... бокал хорошего вина, надо держать, хоть и крепко, но нежно и бережно. Вот так – большим пальцем и – указательным. Остальные пальцы, ладонь и кисть помогают ведущим, поддерживают их. Но не более того.

Что-то подобное Раиса Ивановна говорила Марку, но она на своей рекомендации не настаивала: в словах Виталия Андреевича, напротив, чувствовалось предложение, от которого невозможно отказаться.

Аркадьев снял пиджак и, аккуратно сложив его, передал Чернышевой.

– Э-э-э... теперь оторвемся от поверхности...

Виталий Андреевич совершенно неожиданно и молниеносно вытянул правую руку к Марку, от которого он был в трех шагах, прыгнул и, как бы пролетев, утянутый вперед своей рукой, легко коснулся вихра, спадавшего на лоб Марка.

– Теперь ваша очередь. – Аркадьев слегка задыхался.

Марк попытался повторить полет (он слышал от Раисы Ивановны, что такая атака называется флеш), сиганул с вытянутой рукой к Аркадьеву и, не долетев, рухнул на пол.

Не обращая на упавшего внимания, Виталий Андреевич сказал Чернышевой:

– Прыгучесть... э-э-э... хорошая, координация движений нормальная, азарт есть, наблюдательность есть, обучаемость есть, сообразительность есть, э-э-э... интеллектуальная активность – ты сказала – в разогретом состоянии? Ну-ну! Теперь что мы видим в базовой типологии? Тип телосложения мышечный, – Виталий Андреевич прищурился, – мышечный, но... э-э-э... в странном сочетании с торакальным. Смотри, – Марк стоял перед ними, опустив глаза, – э-э-э... смотри, Рая: от мышечного типа широкие кости скелета... Не смущайтесь, юноша, – мягко улыбнулся Аркадьев, – почувствуйте себя гладиатором, а нас – покупателями. Э-э-э... плечи шире бедер, руки и ноги средние, – Виталий Андреевич перешел на бормотание, – эпигастральный угол между нижними ребрами прямой, сила мышц явно большая, а выносливость, как нам известно, абсолютно не характерная для

мышечного типа, она свойственна торакальному типу – я же смотрел, как он работал на мишени, – возвысил голос Аркадьев, – скорость и выносливость замечательные! Так, милостивый государь, вам известно, какое влияние на ваш характер и, следовательно, на вашу судьбу окажет парад-рипост?

– Защита-ответ? – неуверенно спросил Марк.

– А как вы находите Проспера Мериме? – продолжал Аркадьев, едва сдерживая улыбку.

– «Хронику времен Карла IX»? – включился в игру Марк.

– Все читали «Хронику», – посетовал Аркадьев Раисе Ивановне, – а как же «Души чистилища»! Ведь необыкновенная книга!

Марк виновато молчал.

– В «Душах чистилища», – укоризненно сказал Аркадьев, – Мериме... э-э-э... определил ту особенность фехтования, которая много лет будет, мой друг, формировать вашу жизнь, главным образом, ваши отношения с людьми.

– О чем ты, Виталий? – встревожилась Раиса Ивановна.

Легко коснувшись пальцами густой шевелюры Марка, Аркадьев произнес:

– Долгая привычка к фехтованию делает рипост вслед за парадом движением естественным, почти невольным. Приготовьтесь... э-э-э... милостивый государь, к тому, что, начав у меня тренироваться всерьез, вы очень скоро привыкнете реагировать на жизнь, как на каждодневную атаку, защиту и ответ. И дело не в том, что я агрессивный человек

– я человек... э-э-э... не агрессивный. Но само фехтование так устроено, что с вашим характером через пару лет тренировок мир станет для вас похож на арену для гладиатора.

– На том и порешим! – брякнул Марк неожиданно для себя самого, и все трое рассмеялись.

* * *

В судьбе Марка Раиса Ивановна Чернышева и Виталий Андреевич Аркадьев сыграли очень важную роль, стали для него вторыми родителями, скажем так: духовниками в спорте.

Первое представление об атмосфере того времени, когда брат начинал свой путь в спорте высших достижений, дают некоторые фрагменты интервью, которое взяла у Марка в 2011 году Елена Гришина, спортивная журналистка, мастер спорта международного класса по фехтованию, чемпионка Европы по женской рапире, пресс-секретарь Федерации фехтования России.

Е. ГРИШИНА: Когда вы пришли в секцию, кто работал в зале?

М. МИДЛЕР: Раиса Ивановна Чернышева от «Динамо». В «Динамо» было такое подразделение «Юный динамовец». Мне выдали билет юного динамовца. Я гордился. Там дата была на билете, когда выдан: 26 октября 1943 года. Это война еще шла... Начали заниматься – инвентарь старый. Маски

эти – тебе показать, ты даже не узнаешь, какие-то плетеные. Нагрудники зеленые такие, ватные...

Раиса Ивановна и Виталий Андреевич были тренеры-интеллектуалы, заставлявшие мыслить спортсменов, учили правильно жить. Раиса Ивановна была настоящим подвижником, не просто в зале тренировки проводила, а ходила по ученикам, по домам, проверяла дневники и оценки. Однажды пришла и ко мне домой и говорит: «Ну, давай дневник проверим». А у меня там двойка по какому-то предмету.

У меня вообще были только пятерки и двойки. Когда прочитаю один раз задание, сдаю на пятерку, а когда ничего не делаю, естественно, двойка. Так вот, увидела она эту двойку и говорит родителям: «Не допущу до соревнований, пока не исправит». А соревнования эти – молодежное первенство Союза. Меня зацепило!..

Я тебе больше скажу, мне повезло не только с наставниками, Виталием Андреевичем и Раисой Ивановной, но и с друзьями, с которыми рос и учился. Многие из них потом стали известными спортсменами, учеными и артистами. Мы конкурировали друг с другом. Я стремился быть лучше их в спорте, они, соответственно, лучше меня в чем-то другом. Это толкало каждого из нас к тому, чтобы становиться успешным. В конечном счете это помогало добиваться успеха. И привилегий, если хочешь. Это у нынешнего поколения нет особых проблем ни с питанием, ни с одеждой и обувью. Были бы у родителей деньги. А тогда, во время войны, мно-

гих спасали рабочие карточки. По специальному постановлению правительства их выдавали не только работающим на производстве, но и подающим надежды в спорте или искусстве детям. Мне, как чемпиону Москвы среди подростков по фехтованию, тоже положена была своя продовольственная карточка. (Замечу от себя, что Марку было тринадцать лет! – А. М.) По ней наша семья – мама, бабушка, дедушка, тетя и младший брат (отец служил в армии) – получала в специальном магазине продукты: мясо, рыбу, крупу, масло и даже красную икру.

* * *

Каким в эти годы видели Марка Мидлера со стороны?

Рассказывает заслуженный мастер спорта СССР Давид Тышлер, который дружил с моим братом и тренировался с ним более пятидесяти лет:

– Впервые я увидел Марка в начале февраля 1947 года на первенстве Москвы по юношам. Интересно было посмотреть на шестнадцатилетнего фехтовальщика, которого считают сильнейшим. Марк сидел на трибуне среди малочисленных зрителей совершенно неподвижно. Удивительно: на его лице поединок высвечивался, как в кинофильме. Мне показалось, что этот – я бы не называл его юношей, я бы сказал юный человек, – впитывает блеск рапир, крики бойцов, команды судей, шуршание фехтовальных шагов, втягивает в

себя запах зала, всасывает атмосферу турнира. Передо мной был полководец, который чувствовал и понимал, анализировал и воссоздавал битву в тонкостях.

* * *

Вот так всё и произошло: выбор был сделан. Мы в жизни ищем свободу. Мы счастливы, обретая свободу. Этот выбор определил его свободу.

Как-то при мне Марк обронил: «Когда готовишься к бою, появляется смысл личной жизни».

Я бы не удивился, услышав такие слова от кшатрия из индийской касты прирожденных воинов.

* * *

Мое детское воспоминание. О том, как брат действовал в угрожающей ситуации.

10 марта 1953 года. Мне – четырнадцать лет, Марку – двадцать два. Мы живем рядом с Трубной площадью, на которой с утра, после объявления по радио о похоронах Сталина, сгущается толпа.

Марк молча одевается, я – за ним. Вливаемся в поток. Люди движутся к Колонному залу Дома Союзов. Там гроб с телом. В какой-то момент чувствую, что отсюда не выбраться.

Нас несет по Неглинке. Удушающе тесно. Толпа сжимает все туже. Рядом со мной какая-то женщина падает, и толпа над ней смыкается. Слышен ее отчаянный крик. Марк загораживает меня от толпы. Нарастает паника. Нас прижимает к стене дома. Из полуподвала через закрытое окно смотрит лицо с расширенными от ужаса глазами.

Ударом ноги Марк разбивает стекло. Человек ошеломлен, но, не говоря ни слова, принимает меня в окно. Брат влезает сам.

Седой человек с раненой кровоточащей рукой ведет нас черным ходом во двор, откуда выбираемся в переулок, почти напротив нашего дома.

В подъезде на кафельном полу лежат раненые и растоптанные люди, семь человек: пятеро – не подавая признаков жизни, двое – мужчина хрипит, у него как будто раздавлена грудная клетка, пытается и не может вздохнуть, женщина со страшной гематомой на лице, закусив губы, стонет и всё шарит возле себя окровавленной рукой: «Сумочка, триста рублей... Вы не видели? Там триста рублей!»

* * *

Что было потом?

Потом, с середины 50-х годов, Марк становится лучшим рапиристом Советского Союза. Он выезжает на международные турниры и создает все больше проблем зарубежным

фехтовальщикам, лидерам рапиры в своих странах. В 1959 году он начинает свой путь многократного чемпиона мира. В следующем году он поднимается во главе своей команды на высшую ступень олимпийского пьедестала. На Олимпийских играх 1964 года он побеждает вновь.

При этом каждый выезд брата за рубеж был на грани срыва, поскольку – в придачу к постоянным попыткам множества бойцов победить Мидлера – чиновники, имеющие отношение к выездам спортсменов за границу, по-прежнему манипулировали устаревшим пунктом в анкете: «находились ли вы или кто-либо из ваших близких под судом и следствием». По этому пункту Марк был заведомо «невыездной» – отец и дед имели судимость: дедушка Яков (отец мамы) и наш отец отбывали, каждый по два года, сроки за халатность (была такая статья в Уголовном Кодексе). У меня нет сомнений, что это случайное совпадение. Но уж больно удивительное. Абсурдное совпадение. Они работали на разных работах: дед был бухгалтером на алюминиевом заводе, а папа – замдиректора спортивного магазина «Динамо» на Тверской. В обоих случаях директора криминальным способом что-то прихватили, а подчиненные не донесли. Проявили халатность – не настучали. Если бы мой дед и отец были «в доле», они получили бы сроки куда больше – как соучастники. Но они всего лишь не стали осведомителями.

Мы с братом ездили повидаться и видели, как в колонии для заключенных, которая раскинулась бараками среди ело-

вых лесов у станции Поварово, что по Ленинградке, тащился в колонне эков наш отец.

Мы оба слышали от родных, что так же в заключении в толпе усталых людей в полушубках с номерами ходил раньше наш дед.

Мы знали, как бедно жили. Мы – Марк в большей степени, чем я, поскольку был на восемь лет старше, – должны были бы привыкнуть к жизни в нищете и несправедливости. Единственной возможностью для старшего брата вытянуть себя и семью если не из несправедливости, то из нищеты, был его личный успех.

Первая международная золотая медаль, завоеванная советскими фехтовальщиками, – это медаль Марка, выигравшего личный турнир рапиристов на Фестивале молодежи и студентов в 1957 году в Варшаве. Победил в перебое за первое место известного австралийского бойца – Феттерса, рапириста мирового уровня.

В течение пятнадцати лет без перерыва Марк Мидлер был капитаном непобедимой четверки рапиристов: Мидлер, Жданович, Свешников и Сисикин.

Семь побед подряд, с 1959 по 1966 год, этого квартета на Олимпиадах и чемпионатах мира остаются непревзойденными и по сей день.

Отдельный разговор о всемирных победах подопечных Марка, его учеников, и о победах нынешних учеников его учеников. Есть множество объяснений международных по-

бед Марка и фехтовальщиков, с которыми он работал как капитан и как тренер. Начну с «почвы» – с судеб и психологии его родных и близких. Они оказали влияние на характер брата, значит – на траекторию его жизнедеятельности. В конце концов – на ее результаты.

Глава вторая. Корни

Второй фрагмент из интервью спортивной журналистки Елены Гришиной с Марком:

Е. ГРИШИНА: Скажите, Марк Петрович, вот вы фехтование сразу полюбили? Знаете, как говорят, фехтование это не вид спорта, это как... что это судьба, что это вирус, это диагноз?

М. МИДЛЕР: Нет. Диагноз – это еврей. А вид спорта – это не диагноз. У меня отец был профессиональный футболист, играл нападающим в московском «Динамо»... Отец приезжал на дачу – у тетки была дача в Подлипках, это по Ярославке, – ну, там эти улицы все поселковые, там, конечно, футбольный мяч, там дети играют. Ну, отец, значит, возьмет мяч и как даст. У него удар был! Мяч летел хавалеем – знаешь, что это такое? Тынь – как даст, на тридцать-сорок метров! Вот на такой высоте он летел, не падая.

Е. ГРИШИНА: Обалдеть!

М. МИДЛЕР: Представляешь? И он играл в команде. 1932 год, 1933-ий... «Динамо» тогда были чемпионами страны. Это не диагноз. Это призвание. А если это диагноз, то он общий у меня и моего отца.

Выписка из неформального «Досье» на игроков команды, которое издавна вели ветераны футбольного клуба «Динамо»:

«Мидлер Петр Маркович. Родился 22 апреля 1906 года, умер 28 января 1985 года. Мидлер был необыкновенным футболистом – вел игру исключительно левой ногой. Одной левой, но блестяще. Восемь лет, с 1924 по 1932 год, играл нападающим за московское «Динамо». Рост 168 см, вес 64 кг. Быстрый, азартный и техничный, всегда действовал смело и самоотверженно. К глубочайшему сожалению команды, покинул ее из-за тяжелой травмы левой ноги. Отец известного фехтовальщика М. Мидлера».

Обратите внимание на черты характера отца – быстрый, азартный, техничный, смелый, самоотверженный. И еще одна черточка. Проиллюстрирую ее фрагментом «Автобиографии», в котором Марк пишет:

«Моего отца, Петра Марковича Мидлера, известного в 30-е годы футболиста московского «Динамо», болельщики звали почему-то «Яша – левый край».

Папа с ними не спорил, Яша, так Яша. Безропотно выслушивал их соображения. Например, я слышал от отца, что приезжий из Одессы один из фанатов, который напросился носить папин спортивный баул, порекомендовал: «У вас,

Яша, волшебная левая нога. Если бы вы, Яша, играли правой ногой хотя бы вполовину так, как левой, вы бы, Яша, стали лучшим нападающим страны».

– Ты ответил ему? – спросил я папу.

– Обязательно. Я сказал: «Хорошо, Яша».

В какой-то мере можно допустить, что склонность к юмору, азартность, быстрота и техничность, смелость и самоотверженность – это у Марка от отца.

Как все динамовцы, наш отец должен был служить в войсках НКВД. Однако ему удалось миновать участия в карательных операциях. Он работал под Москвой на фронте инструктором по физкультуре.

После войны он тренировал различные команды динамовских футбольных клубов. Боли в его травмированной ноге росли и достигли уровня ежедневных с трудом переносимых страданий. Он уже не мог тренировать. Стал заместителем директора московского спортивного магазина «Динамо» на Тверской, тогда она называлась улицей Горького. Потом папу засудили за «потерю бдительности». За то, что не донес «органам» на воруягу директора, отцу дали два года по статье «халатность».

Когда он вышел на свободу, ни быстроты, ни азарта, ни смелости, ни присущей ему раньше улыбочности у него не замечалось. Остались только самоотверженность и почти плюшевая мягкость и доброта.

По моим – авторским – наблюдениям, Марку достались

не только самоотверженность и некоторая выборочная мягкость и доброта, но и прежние папины «спортивность и юмор». Характерная для отца защитная улыбка над самим собой стала у Марка все чаще оборачиваться хотя и безобидной, но насмешкой над другими. Эта склонность сыграла важную роль в его судьбе.

Что касается спортивности, то тут все солнечно и прозрачно: Марк одинаково блестяще играл в футбол и фехтовал. У него долгое время была та же дилемма, что у его тренера Виталия Андреевича Аркадьева, который в молодости колебался, что выбрать: игру в футбол или фехтование. Наконец, когда брат-близнец Борис Аркадьев выбрал футбол, Виталий Аркадьев отправился фехтовать.

У Марка не было близнеца, но было раздвоение спортивной личности. Слишком успешен он был и в том, и в другом.

* * *

Теперь о маме. От мамы, мне кажется, Марку досталась тяга к дерзкому озорству и к импровизации.

Мама была красивая: дымчатые волосы, большие серо-зеленые глаза. Двухцветные. На катке «Динамо» постоянные посетители – подростки – называли ее «Радуга». Близкие друзья редко использовали это прозвище. У них она была «Маркиза».

Многолетнее курение папирос и контузия испортили

внешность «Маркизы». Контужена она была взрывом фугасной бомбы, упавшей на соседний дом.

По характеру мама была любительницей приключений. В двадцать один год решила посмотреть вдруг, как работает московский уголовный розыск, и поступила туда работать. Работала три дня «муровкой», успела получить урок. Привожу его полностью, как рассказывала мама – здесь виден ее характер на фоне 30-х годов.

«В МУР пришел рецидивист. Человек известный. Пришел сам. Не с повинной. Попросил помощи. Прикрывает лоб лапами своей рубашки. Живот открыт. (На улице – ниже нуля).

Иван Сергеич, следователь, мой начальник, спрашивает:
– Фамилия?

Тот говорит, как полагается:

– Кутепин.

А Иван Сергеич не только знает, что это за шишка, но в курсе, что накануне у Николая Кутепина кончился срок заключения.

А тот, смотрю, жмет рубашку ко лбу. И у него, глазам своим не поверила, катятся слезы. Градом!

Сергеич говорит:

– Ну-ка, покажи.

Вор отнимает рубашку ото лба, а там – слово дурное из трех букв. Крупная татуировка. И рисунок рядом. Небольшой. Рисунок того же смысла.

Рассказывает:

– Вчера был освобожден. Встретился по дороге домой с другим вором. Посидели в пивной. Очнулся в парке на скамейке с сильнейшей головной болью. Поднялся. Прохожие ведут себя странно. Навстречу шла пожилая женщина. Взглянула, охнула и шмыг в сторону. Потом встретился мужчина. Взглянул – согнулся от смеха. – Вор бормочет, пытаюсь удержать судорогу на лице: – Подхожу к зеркалу в парикмахерской и...! В травмпункте сказали, что единственный способ избавления от такой глубокой татуировки – выжечь ее каленым железом. Но примерно с таким же успехом, сказал доктор, решить проблему можно, отрубив тебе голову.

И вот вор пришел в уголовный розыск. Иван Сергеич выслушал его рассказ. Я тоже была под впечатлением. Сергеич сказал:

– В Париже есть один профессор, который делает такие операции. Не остается следа. Стоит бешеных денег. Кто ж тебя пошлет в Париж?

– Я отвернулась, – продолжала свой рассказ мама, – чтобы не видеть лица Кутепина. Вышла из комнаты и больше в МУР не возвращалась.

Я спросил:

– Если уж ты стала «муркой», неужели они так просто от тебя отвязались?

– Звонили несколько недель. Тогда я «призналась», что, когда уходила последний раз, выбросила в урну удостове-

рение угрозыска. Они мне: «Выпишем новое». Я набралась смелости и сказала: «Я снова его выброшу».

Ей предложили подать заявление об уходе из МУРа по собственному желанию, что она и сделала.

Талантливо игравшая на фортепьяно, мама озвучивала в первых лентах кино немые фильмы и предавалась неудержимому музыкальному фантазированию. И пошла в аккомпаниаторы в художественную гимнастику и там «оттянулась» в свободной своей импровизации, в небольшой степени согласованной с движениями гимнасток. Ее уволили. Она пошла сопровождать фигурное катание. От импровизации не отказалась.

Я помню долгие часы, проведенные на лавочке на катке под звуки маминых фортепьянных фантазий. Мы ждали ее на вмерзшей в лед лавочке и страдали от холода. Да и есть хотелось. Но это играла наша мама!

Не могу избавиться и от предыдущей картины, как мы сидим с братом вдвоем на матах в гимнастическом зале. Мама пока была еще не уволена и резвится на клавишах, а перед нашими глазами танцуют гимнастки.

– Лучше бы мама танцевала сама, – шепчет мне брат.

* * *

От мамы, мне кажется, Марку передалось упоение классической музыкой. Внешне будучи человеком, владеющим

своими эмоциями, Марк безудержно, страстно любил слушать композиторов, чьи произведения играла мама: Баха, Вивальди, Моцарта, Бетховена, Шопена, Листа, Брамса, Чайковского, Шостаковича... В Москве я с подросткового возраста ездил с ним на международные турниры, в которых брат принимал участие, и каждый раз, садясь в машину, он включал классику. Это я помню очень хорошо. Когда я смотрел его поединки, мне казалось, что он их создает по ассоциации с музыкой, которую мы только что слушали.

И еще. Мама была гибкой, ладной, аристократичной, значительной. Маркизой. Марк был гибким, ладным, аристократичным, значительным. Маркизом.

* * *

Перехожу к прадеду, деду и бабушке. Берта Марковна – совершенно не похожа на стандартную еврейскую старушку, которая, по известной песне: «От старости согбенная детей кормила штруделем». Штрудель в семье изредка был, но его готовил другой согбенный маленький персонаж. А бабушка – высокая, стройная, с красивой проседью. Была по характеру очень строгой. Особенно строга она была в отношении, по ее словам, вредных привычек: не пить, не курить, не дружить с «хулиганьем» и держать в постели руки на одеяле, а лучше – за головой. Бабушка абсолютно царила в семье.

От бабушки, я думаю, Марку досталась внутренняя дис-

циплинированность и, я бы сказал, четкость. Четкость в мышлении, в словах и поступках.

Прадед по линии мамы был в Одессе фабрикантом орехового мороженого. Не знаю, как он относился к этому продукту, мы с братом мороженое любили до каждодневной от него зависимости. До одного момента. Однажды выиграли спор с приятелями Марка, съев на двоих полтора килограмма мороженого. Это освободило нас от зависимости на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.